

**Глобальные тенденции гендерной асимметрии: от соотношения полов к качеству жизни**

**Научный руководитель – Юрасова Мария Владимировна**

*Миронова Анна Алексеевна*

*Студент (бакалавр)*

Московский государственный институт международных отношений, Факультет международной журналистики, Москва, Россия

*E-mail: Mironovanna1474@yandex.ru*

Понимание тенденций изменения полового состава населения необходимо для анализа социальных процессов и разработки эффективной семейной политики. Половая структура в свою очередь формируется под воздействием 3 процессов: дифференцированной рождаемости, смертности и миграции. Половая структура населения формируется под воздействием трех процессов: дифференцированной рождаемости, смертности и миграции. Исходное биологическое преимущество по рождаемости, выражающееся в превышении числа мальчиков среди родившихся (105-106 на 100 девочек), в прошлом нивелировалось более высокой мужской смертностью. Однако во второй половине XX века глобальный баланс изменился.

**Цель работы** - выявить основные тренды изменения половой структуры населения мира и гендерных разрывов в ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ), интерпретировав диспропорции в контексте социологии семьи и демографии.

Анализ данных ООН [5] за 1950–2020 гг. фиксирует устойчивый сдвиг. В 1950 г. преобладало женское население (50,2% против 49,8% мужчин) - следствие потерь Второй мировой войны и более высокой смертности мужчин. К 1970 г. соотношение выровнялось, а с 1980 г. доля мужчин стабильно превышает долю женщин, закрепившись на уровне 50,3% в 2000–2020 гг. Абсолютный разрыв к 2020 г. достиг 51,5 млн человек в пользу мужчин, при этом мужское население росло быстрее: увеличение в 3,20 раза против 3,13 у женщин

Ключевой драйвер маскулинизации - глобальное снижение смертности, особенно младенческой. Улучшение здравоохранения позволило сохранить жизни большему числу мальчиков, и их исходное преимущество при рождении стало проявляться в структуре всего населения. Миграция влияет ограниченно, перераспределяя население между странами, но не меняя глобального баланса. Однако общемировой тренд скрывает глубокие региональные различия. Как подчеркивает Г.Г. Силласте, «мировой гендерный ландшафт - это территориальный рельеф стран, различающихся гендерной структурой населения» [4].

Для понимания диспропорций необходим переход от численности к качественным характеристикам, ключевая из которых – ожидаемая продолжительность жизни (ОПЖ). Данные за 2000–2020 гг. демонстрируют разнонаправленные тенденции. В Европе и Австралии гендерный разрыв сокращается (с 8,6 до 6,6 лет и с 5,3 до 4,1 лет соответственно) - результат снижения преждевременной мужской смертности. В Африке (рост с 2,8 до 4,1 лет), Азии (с 4,2 до 5,3 лет) и Латинской Америке (стагнация на уровне 6,5 лет) разрыв растет, что указывает на неравномерный доступ к здравоохранению [5].

Для систематизации данных по странам был применен метод кластерного анализа, позволивший объединить страны в группы со схожими характеристиками по трем параметрам: ОПЖ мужчин, ОПЖ женщин и величина гендерного разрыва. В результате выделены четыре ключевых кластера:

1) «Сбалансированное долголетие» (Норвегия, Новая Зеландия, Япония) - характеризуется высокими показателями ОПЖ для обоих полов при разрыве, не превышающем 5 лет, что укладывается в рамки биологически обусловленной разницы и свидетельствует о равном доступе к медицинским и социальным ресурсам.

2) «Кризис мужского здоровья» (страны Тропической Африки: Эсватини, Нигерия, Лесото) - демонстрирует экстремальный разрыв (до 30 лет), обусловленный не столько высокой женской ОПЖ, сколько катастрофически низкой мужской (52–57 лет). Мужское население трудоспособного возраста несет непропорционально высокое бремя смертности от насилия, травм, инфекционных заболеваний при ограниченном доступе к качественной медицинской помощи.

3) «Аномальный дисбаланс» (Китай, Куба) - характеризуется превышением мужской ОПЖ над женской, что противоречит общемировым био-демографическим закономерностям. В Китае (75,2 против 62,3 года) это связано с искажением вторичного соотношения полов вследствие селективных аборт и более низким статусом девочек, ведущим к их повышенной смертности в детском и репродуктивном возрастах.

4) Ряд стран, входивших в состав СССР, включая Россию, унаследовали советскую модель «сверхсмертности» мужчин в трудоспособных возрастах, обусловленную поведенческими факторами: распространенностью алкоголизма, курения, рискованного поведения и невнимательного отношения к собственному здоровью. В России разрыв составляет 17 лет (66,3 года у мужчин против 83,3 у женщин), что является одним из самых высоких показателей в мире.

Выявленные диспропорции имеют прямое отношение к проблематике семьи. Высокая мужская смертность в трудоспособных возрастах ведет к росту неполных семей, феминизации бедности и дефициту отцовского участия. Как отмечают З.Е. Дорофеева и П.М. Козырева, вовлеченность отцов в воспитание растет, но остается «специализированной» и сильно зависит от их физического присутствия [3]. Сверхсмертность мужчин обнуляет этот потенциал. А.И. Антонов с соавторами фиксируют дефицит временных ресурсов у матерей, который в условиях отсутствия партнера становится критическим [1]. Концепция «родительского труда» А.П. Багировой и О.М. Шубат позволяет рассматривать низкую продолжительность жизни мужчин как фактор, подрывающий возможность реализации этого труда в полной мере [2].

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод о глубокой структурной дифференциации глобального демографического ландшафта. Общемировой тренд маскулинизации населения не коррелирует однозначно с улучшением качества жизни и здоровья мужчин, а, напротив, часто маскирует острые кризисы. За средними показателями скрываются качественно различные модели, требующие дифференцированной социальной политики, ориентированной не только на увеличение рождаемости, но и на сохранение жизни и здоровья мужского населения.

### Источники и литература

- 1) Антонов А. И., Карпова В. М., Ляликова С. В. Времени в обрез: сколько времени россияне уделяют заботе о собственных детях? // Народонаселение. 2024. № 3.
- 2) Багирова А. П., Шубат О. М. Образ родительства и его развитие в концепции родительского труда // Социологические исследования. 2014. № 4. С. 103-110.
- 3) Дорофеева З. Е., Козырева П. М. Трансформация практик вовлеченности родителей в жизнь детей // Социологические исследования. 2023. № 8. С. 86-100.
- 4) Силласте Г. Г. Мировой гендерный ландшафт как новая реальность и новая научная категория // Гуманитарий Юга России. 2018. Т. 7. № 4. С. 13-26.

- 5) Организация Объединенных Наций. Департамент по экономическим и социальным вопросам. Отдел народонаселения. Перспективы мирового населения, 2024 год [Электронный ресурс] // - URL: <https://population.un.org/wpp/> (дата обращения: 22.02.2026).